

РЮКЗАК ДЛЯ БАРАНА

**ВОТ ЛУЧШАЯ МАКСИМА ОТ АННАБЕЛЬ
РАССЕЛ: «ПАРЕНЬ, НАГРУЖЕННЫЙ
ВЬЮКОМ СО СВОИМИ ПОЖИТКАМИ
И СЪЕСТНЫМ, ВСЕГДА ДОБЕРЁТСЯ
ДО ЗАВЕТНОЙ ЦЕЛИ».**

«Ты собрался делать ЧТО?!», – бурлила моя бывшая жена на другом конце телефонной трубки, которую мне пришлось держать в 30 см от уха, чтобы не лопнула барабанная перепонка. Доставать меня была её любимая забава. «Ты что, не можешь завести себе спортивную тачку да какую-нибудь нимфетку, как все нормальные парни?». Заботу проявляла. Тут вот в чём дело: я только что продал свой кабачок. Право, это была хорошая работа, кроме того, что приходится быть на побегушках у каждого гопника с тридцатью пятью центами на пиво в кармане. К тому же я ещё и бросил преподавание английской литературы в местном колледже, расплевавшись с ректором. После чего вознамерился забросить рюкзак за плечи и раствориться «без ансамбля» и без работы в диких

краях Монтаны, чтобы впервые поохотиться на горных баранов. На месяц. Я ощущал себя второклассником, только что сорвавшимся на летние каникулы.

Много лет назад я пережил этот месяц и ещё три похода с рюкзаком в одиночку в угодьях Беартус – Эбсэрока в эту чудесную осень. Я купил комбинированную лицензию Монтаны на барана, лося, оленя, медведя, пернатую дичь и рыбалку за сотню с центами и получил за свои деньги всё сполна. Я разбил лагерь на высоте 3 км в районе Хаммингбёрд Бэйсин и прошёл вдоль плато Буффало к Йеллоустоунскому парку, порыбачил в речке Хэлл Роаринг Крик («Ручей Адских Воплей» – крутое название, если бы я только слышал хоть один), завалил гигантского чернхвостого оленя и лося с параметрами бхб.

УОЛТ ПРОТЕРО

Позже, этой же осенью, я направился на восток от речки Дэд Мэн Крик («Ручей Мертвеца») – ещё одно крутое наименование. Мне не удалось записать на свой счёт дикого барана, но почти непрерывные впрыскивания адреналина от трёхмесячных походов превратили меня в охотомана-походника, готового душу заложить за рюкзак и ещё один, ну амый последний, трофей.

В последующие годы я охотился на все четыре разновидности диких баранов Северной Америки только на ходовой охоте с рюкзаком. Рюкзак и ощущение приключения дают возможность практически каждому раствориться в дикой природе в поисках очередного барана Чедвика, часто без проводника или аутфиттера, которые могли бы обойтись в годовую зарплату. Вот в чём вся прелесть – в свободе нести на своих плечах целый лагерь, с новой спальней на каждую ночь. И это даёт вам ощущение того, что при охоте на диких баранов ты можешь сделать серьёзную заявку на самый

крутой в мире трофей, причём иногда вполне самостоятельно.

На севере Аляски

На следующее лето я соорудил заимку на берегу Юкона и направился на север с ружьём и рюкзаком, чтобы побродить в арктических краях. Меня осенила идея о походном ритуале, который включал в себя заказ чартерного рейса самолётом, приспособленным для посадки в тундре, на каждый осенний период – а в приполярных районах это ранний август – и высадку где-нибудь на необжитых просторах в сотнях миль от ближайшей дороги или госпиталя. Всё это происходило в те патриархальные дни, когда мобильные телефоны были мифической принадлежностью какого-нибудь персонажа типа Бака Роджерса из ранних комиксов на космическую тему. Я забирался на холмы в поисках диких баранов, затем возвращался к своей

надувной лодке, принаитованной на берегу реки, и сплавлялся вниз по течению к какому-нибудь поселению типа Форт-Юкон, где заказывал чартерный рейс на такой же самолёт «Цессну» для тундры, чтобы добраться до своей заимки вверх по Юкону.

В первый раз мы долетели до последнего озера в верховьях реки Шинджек, настолько крошечного, что, передумав я высказываться, «Цессна» с поплавками не смогла бы снова взлететь с его поверхности со мной на борту. Пилот Джо Фирмин, мой приятель, едва не чиркнул брюхом самолёта (именно так!) по верхушке ели на противоположном берегу озера, пролетел надо мной на небольшой высоте, театральным жестом, чтобы я мог увидеть, вытер тыльной стороной ладони пот со лба и исчез в южном направлении. Упаковав своё снаряжение и надувную лодку в стальные бочки, которые прихватил, чтобы не оставлять шансов медведям, я направился к возвышенностям, пробираясь через разрушенные ледники, обходя огромных гризли и втискиваясь в палатку настолько тесную, что и повернуться-то было невозможно. Завершил я этот поход, пробавляясь черникой, которую я умыкнул с обеденных полянок гризли, и хариусом, пойманным при помощи шерстяной нити с привязанным крючком. Право, я никогда не жил лучше. Да, кстати: я ещё и барана завалил.

Я ежегодно ходил в такие экспедиции продолжительностью от пяти до восьми недель в течение целых десяти лет. Однажды я добыл восьмилетнего дикого барана, но вовсе не поспешил снова вернуться на тропу и поскорее добраться до городских огней Форт-Юкона. Вместо этого я любовался птичками и волками, ежедневно поглощал не менее полутора килограммов баранины и бродил по таким элементам географического

ландшафта, название которым вряд ли кто-нибудь ещё озабочился придумать. Как-то в полдень я подкрался к висячей долине и заметил диких баранов, пасущихся на покатоном склоне, и начал их преследование забавы ради. Когда я «утиной походкой» обходил осколок ледника размером с бунгало, челюсть моя отвалилась до пупка. С расстояния в двадцать ярдов на меня пристально таращился арктический баран Чедвика не менее 120 см

в холке и более 35 см в окружности рогов, которые были украшены тринадцатью годовыми сегментами. Увы, мой лицензионный баран на этот сезон был уже засолен.

Мысленно переношусь назад. В следующем августе я проигнорировал двух 40-дюймовых баранов, равно как и просветившие мимо меня булжники размером с арбуз, дважды чуть не снявшие мне голову во время обвалов. Однажды гризли впал

Уолт Протеро

Автор, Черри и проводники Николай и Иван в Сибири с двумя великолепными снежными баранами после разделки трофеев перед возвращением в базовый лагерь.

Уолт Протеро

Черри с её отличным пустынным бараном в Юте.

в ярость, и только 150 гран свинца, выпущенного в ручей в нескольких дюймах от его морды, заставили его отказаться от дурных затей. В сентябре арктический снежный буран обрушился на мой альпийский лагерь, поэтому мне пришлось упаковать барана Метусела, добытого по лицензии, взвалить всю ношу на плечи и поспешить к своему складу вниз, к реке Шинджек. Я еле успел проскочить, поскольку через день по реке уже пошла ледяная шуга, а ещё через день все эти тихие протоки замёрзли по всему течению. Во время

моего десятидневного сплава вниз по реке мне не раз приходилось разбивать веслом лёд, чтобы освободить проход для надувной лодки. Ещё никогда я не был так счастлив встрече с оплотом цивилизации Форт-Юконом, поэтому и отправился напрямик в бар фактории. Да-а-а... Вот так охотиться, охотиться, а трофей – мечта всей жизни – просто раз – и исчез... И ты просыпашься в поту от ночного кошмара: величественные рога туманно мелькают в буреломе или исчезают за горным хребтом. Этот баран достал меня. Я даже

придумал ему кличку – Черно-рог, за его тёмные рога в стиле барана аргали. И на следующий сезон я вернулся на это же место, хотя все шансы были за то, что он свалился, поскользнувшись, с какого-нибудь обледеневшего выступа в горах от старости или угодил волчьей стае на праздничную поживу. Мне не удалось его найти, но я таки взял неплохого барана. Всё равно, этот трофей-мечта так и стоит сейчас перед моими глазами – как и десятки лет назад...

Плесните-ка мне стаканчик доброго солодового виски,

Снаряжение для ходовой охоты с рюкзаками.

Я начал охотиться с рюкзаком на чернохвостого оленя ещё подростком, и с той поры исходил шесть западных штатов, Мексику от Соноры до Юкатана, четыре канадских провинции, Намибию и три азиатских страны. Я приверженец этого вида охоты, если угодно. Мне довелось поэкспериментировать с кучей рюкзаков и палаток различных типов, чтобы удовлетворить любую потребность. Вывод такой: чем проще – тем лучше (чем меньше наворотов, тем меньше шансов, что что-нибудь сломается). Лучшими я считаю рюкзаки экспедиционного типа, с внутренней рамой и объёмом от 100 до 115 л. Лично мой рюкзак – из ранних моделей «Лоув», прошедших испытания в Гималаях и на Гиндукуше. В него я укладывал американского лося, сохатого, оленя, кабана, баранов, козлов, тура, козерога и канадского оленя карибу. И всё это в один и тот же рюкзак, которому сносу нет. Кстати, я брал его с собой и в 2010 г., охотясь на чернохвостого оленя. Да, мне известно, что большинство проводников предпочитают рюкзаки с внешними рамами, и мне понятны их резоны – так проще закрепить что-нибудь на раме или подвесить ружьё на вертикальном её торце; однако же рюкзаки с внутренней рамой, как мой «Лоув», обеспечивают более плотное прилегание груза к телу, что может быть чрезвычайно важно, когда вы еле-еле карабкаетесь по горному хребту, а под ногами – обрыв в 300 м. Я это уже проходил.

То же самое – простая палатка. Вес – это критический параметр, когда вам надо пройти пятьдесят миль по дюнам безводной пустыни Намиб. Я брал с собой 1,4-килограммовую палатку типа «Сьерра Дизайнс Флэшлайт» в большинство своих «солевых» экспедиций. Это палатка в действительности рассчитана на два сезона, но она вполне удовлетворяет и всесезонным требованиям. Моей палатке – четверть века, и она ещё неплоха. Когда Черри ходит со мной, то мы берём с собой старую

Упаковка и транспортировка добытого Черри пустынного барана – тяжкое 25-часовое испытание. Автор выполнил задачу при помощи своего рюкзака «Лоув» объёмом в 115 л.

добрую всесезонную экспедиционную палатку «Мосс Олимпик», весом всего в 4,5 кг. Прихожая и дополнительный отсек весьма важен для двух людей, которым надо высушить одежду и приготовить пищу внутри палатки в условиях арктических буранов или песчаных бурь Гоби.

идея

и у всех вас, сидящих в пределах слышимости, уши свернуты в трубочку от моих рассказов об этих фантастических арктических походах. О нападшем гризли, которого я успокоил навеки пулей 270-го калибра, и оказавшегося так близко от меня, что мои бриджи были обрызганы его кровью. О трёх тысячах блеющих и ревущих каменных оленей карибу, грохочущих копытами по серым глинистым сланцам горного прохода. О радужных завесах северного сияния, настолько ярких, что ночью были видны отбрасываемые различными предметами тени. После моих первых походов в одиночку ко мне в бескрайних просторах Крайнего Севера присоединилась Черри, полностью разделяя мои намерения путешествовать там с рюкзаком за плечами. Мы задумали иметь свой очаг, и наши старые рюкзаки упали на эти приполярные пастбища диких баранов с борта «Цесны 185» 80-х годов выпуска – уже раритета.

В пустыню, на юг

Вовсе не обязательно забираться в такие дикие края. Во многих штатах допускается охота без проводника, если вам повезёт вытянуть жребий. Давайте-ка переместимся на юг, в противоположный ареал североамериканских угодий для охоты на диких баранов.

Лет шесть назад, после десятилетия бесплодного участия в розыгрыше лицензионных заявок, мне посчастливилось, наконец, стать обладателем лицензии штата Юта на пустынного барана. В июле, нацепив рюкзак, я приступил к изучению пустыни, пышущей жаром и покрытой отшлифованными валунами. Ухитряясь выжить при наличии ежедневной температуры под 40°, солончаков с гремучими змеями и скорпионами и внезапных наводнений, которые, если

не поймут тебя в узком каньоне и не утопят, то предложат свою мутноватую, тепловатую водичку для облегчения от жары. Мне было так славно в этом раскалённом природном ландшафте, почти таком же диком, как и в Арктике, что суровые законодатели Юты обложили бы меня налогом или заключили бы в тюрьму, если бы только знали об этом. Но достойной дичи я не обнаружил. Однажды я прошёл за одну неделю 100 с лишним километров по бездорожью, усыпанному гладкими валунами, к тому же дважды поднялся, а затем спустился по вертикальной стене высотой около 600 м. И всё это только для того, чтобы обнаружить в бинокль толсторогов, пасущихся в районе Навахо Бенч на 300 м ниже, где их не смог бы преследовать без дельтаплана и сам Человек-Паук.

В сентябре я и Черри надели рюкзаки и двинулись к горе Фифти-Майл, прихлёбывали из горсти изумрудно-зелёную воду и просыпались от воплей кугуара, или призрака древнего индейского города Анасази. Мы засекли диких баранов

значительно ниже утёсов Харвис Фиэр Клиффс, причём в том месте, куда мы смогли бы добраться только с альпинистским снаряжением, и всю ночь просидели, скорчившись, под выступом скалы, пока раскат грома не застал нас слишком далеко от нашего лагеря.

Доза лёгкой иронии предохраняет нас от слишком большой самоуверенности в жизни. Уже тридцать пять дней мы находимся в свободном плавании, и вот всю ночь мотаемся в машинах, включая четыре часа по разбитой колее для автомобилей с повышенной проходимостью, где трясёт так, что, кажется, вот-вот хрустнут позвонки. Наконец, мы прибыли в лагерь на краю ущелья размером в половину Гранд Каньона. Мы были намерены пробраться по бездорожью на 60 км на восток к границе региона, но поначалу решили хорошенько осмотреть окрестности речки Ласт Чэнс Крик в этом ущелье. Выпив по кружке утреннего кофе в кемпинге, мы отправились на край ущелья. Особо на многое я и не рассчитывал,

поскольку уже посещал это ущелье несколько месяцев назад. И без результатов. Когда я сфокусировал свой полевой бинокль Swarovski 15x56, в поле зрения внезапно возник семилетний дикий баран, самый крупный из тех, кого мне доводилось рассматривать за эти тридцать пять дней. В свою очередь, Черри ещё раньше заметила более старого барана. Короче, я спустился вниз, протискиваясь по расщелине, и через два часа борьбы с колючими кактусами и гремучими змеями одним выстрелом со 130 м я отправил 11-летнего барана на засолку. После сотен миль пешком с тяжеленным рюкзаком, от которого можно заработать плоскостопие, я ухитрился, только представьте себе, добыть трофей практически

из кемпинга. Воистину, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь. Однако же этот освежёванный и разделанный баран никогда не добрался бы до лагерь на краю ущелья Ласт Чэнс без моего, тогда ещё двадцатипятилетнего, всепогодного, модели «Лоув», объёмом в 115 л рюкзака с внутренней рамой.

На следующий сезон Черри выиграла лицензию на пустынного барана благодаря своим высоким баллам в очень неплохой охотничьей структуре. В основном мы тряслись по пустынным плато на джипе и выходили на охоту из кемпинга. После недель разведки мы обнаружили великолепного барана с могучими рогами. Мы следили за ним и его собратом весь полдень, пока они паслись

в зарослях чёрной лозы и гибискуса на противоположной стороне пропасти, прямо под нами и ниже на 90 м. Без крыльев нам бы никогда не спуститься туда, в ущелье просто так. Это бы даже горных козлов довело до головокружения. В конце концов, перед нами встал выбор: стрелять по барану вниз и через каньон на дистанции 320 м и потом уже соображать, как его оттуда достать, или просто потерять его там, внизу, в кустарнике. Черри положила ствол своего ружья 270-го калибра на ветку можжевельника, торчавшую на полметра от края ущелья. Я, в свою очередь, ухватил её одной рукой за пояс, а второй уцепился за коренастое хвойное дерево. И она уложила барана с одного выстрела.

Югит Прогеров

Автор очищает баранью шкуру перед своей палаткой из рюкзака, раскинутой в далёком Заполярье.

Мне потребовалось двадцать пять часов, чтобы разложить части туши этого барана-бегемота по нашим рюкзакам. Не будь я полон, в отличие от рюкзака, решимости, этот пустынный баран всё ещё гулял бы себе там.

В Азии

Ходовая охота с рюкзаком за плечами – не только североамериканская модель. Мне приходилось таскать рюкзак и в Азии, охотясь на диких баранов. И впервые – на русском Дальнем Востоке в начале 90-х годов прошлого века, на моей первой из трёх охот на снежных баранов.

После перелёта из Анкориджа через Магадан в Хабаровск, затем краткого полёта на турбовинтовом самолёте, вынужденном приземлиться из-за погодных условий в Айе, посёлке шахтёров и рыбаков на берегу Охотского моря, мы встретились на следующий день с нашим аутфиттером, когда погодные условия позволили нам вылететь в таёжный посёлок Нелькан. Оттуда мы погрузились, стиснув зубы, на один из бывших советских обветшалых, хотя и вездесущих вертолётов. Собранный на скрепках и жевательной резинке, чтобы не развалился, кое-как доболтался до угодий Дхуг-Джур и высадил в какой-то безымянной сибирской долине.

Мы охотились шесть дней, но не увидели ни одного барана, а для счёта овец хватило бы пальцев на одной руке. В те дни проводники обязаны были обеспечить вам добычу, иначе им не платили. Поэтому, видя их отчаяние, мы водрузили рюкзаки на плечи и направились на восток, вознося молитвы всем Красным Божествам. Шли мы без остановок, пока не добудем свой трофей или помоем сапоги в Охотском море, что бы ни было первым. И мне это было по нраву.

Как-то в полдень мы пересекли продуваемую всеми ветрами седловину и свалились от усталости. Я осмотрел в бинокль каменную осыпь в полтора километрах от нас, заметив бочки из-под топлива на тонких опорах. Мысленно я почесал затылок и протёр глаза. Одна бочка шевельнулась! Я ещё раз сфокусировал бинокль и задумался, хорошо ли мы очистили от грибковой плесени тот палеолитический сибирский козий сыр, что ели на завтрак. «Бочка» подошла к другой, лежащей на земле, и пнула её! К тому же бочки были с рогами. Блин, эти грибки на сыре были галлюциногенными! Я равнодушно бросил проводникам по-русски (поскольку английского языка они не знали): «Большой баран». Снося друг друга с ног, они схватили бинокли.

Двухчасовое преследование, во время которого каждый из нас был абсолютно уверен, что бараны улетучились, сняло остроту адреналиновой гонки. Ну и хорошо. С моим бешено колотящимся сердцем, когда мы поедали глазами баранов в бинокли, я бы и по мамонту из дробовика не попал бы. Несколько конфузаясь, мои проводники жестами уговорили меня добыть, если можно, и второго барана, чтобы они могли запасти себе мяса на зиму, что было совершенно законно за дополнительную плату. Им не пришлось меня долго уговаривать.

Когда мы добрались к тому месту, где должны были быть бараны, я жестом показал проводникам присесть, а сам опустился на четвереньки и пополз по щебню. Я заметил бараньи рога над валунами в 20 м, однако они были небольшими. Далее я пополз по-пластунски, пока не увидел гигантского барана, настоящего Кинг-Конга, стоящего в 55 м через овраг. Пуля 7 mm-08, поразила его в плечо наповал. При выстреле овца размером с Годзиллу с треском рванула

в ивняк на дне оврага. Два полноценных красавца-барана с могучими холками теннисными мячиками прыгали по стенам оврага. Второй выбранный мною баран, не поняв причину тревоги, топтался по щебню. Сто сорок гран металла вошли ему сзади в грудную клетку, пронзив лёгкие. Вторая пуля в то же место свалила его. Не будь рюкзаков, фортуна вряд ли повернулась бы к нам лицом, и охота могла бы закончиться провалом.

«Слушай, ты, может быть, не такой уже молоденький, чтобы носиться с рюкзаком?» – Черри знала, что может ранить, и она провернула нож. Сверкнув своей усмешкой с ямочками на щеках, она передала мне 1,4-килограммовую палатку типа «Сьерра Дизайнс Флэшлайт», выдвинувшую в течение четверти века лучшие дни от Юкона до Юкатана и от Сибири до Сербии. Я сунул её в свой старый верный, тридцатилетний и незатейливый рюкзак «Лоув». Сезон охоты на оленей открывается на следующей неделе, и я протащу свой лагерь на плечах в такие заваленные буреломом на крутизне оленьи края, куда не вздумает сунуться ни один олений терминатор на квадроцикле. Вот в этом всё и дело – самая главная привлекательность ходовой охоты с рюкзаком заключается в том, что вы можете бродить по местности, куда и не подумает направиться кто-то другой.

Мне удалось взять грандиозного оленя с могучими рогами, как раз на полоске общественной земли, заваленной буреломом на крутизне и располагавшейся в центре региона, где проживает два миллиона человек. А это ещё одно большое преимущество: на охоте с рюкзаком золотой трофей – твой, будь это дикий баран или что-то другое. Я не стал говорить Черри о намеченных мной в 2011 г. ходовых охотах с рюкзаком на оленя, лося и (даст Бог) снежного барана.